

БЕРЕГ РЕКИ

Что есть мочи, нажимая на педали велосипедов, мчатся к берегу Полина и Катерина.

У края воды, на мостках, заняты стиркой белья Татьяна, мать и Наденька.

Витек с удочками — рыбачит.

Свалив в высокую траву велосипеды, Полина и Катерина быстро спускаются к мосткам.

КАТЕРИНА. Таны! Тебе дали свиданку? АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Передачу даже не взяли.

КАТЕРИНА (достала из-за пазухи конверт). А я получила кое-что от Валерьяна.

ТАТЬЯНА. Как это ты ухитрилась? КАТЕРИНА. Нашелся хороший человек, помог. Вот передал записку и статью в газету.

Татьяна впилила в тетрадный листик.

Мухинским почерком выделяется заголовок статьи: "Куда крестьянину податься?"

ТАТЬЯНА. А напечатают? ПОЛИНА. Да в жизни этого не будет.

КАТЕРИНА. Не кармай! Ты Любку Строганеву поминишь? ПОЛИНА. На одной парте с ней сидели, и что?

КАТЕРИНА. Так она же замужем за редактором!

Женщины замолчали, переглядываются, задумались.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Поленька, пойдете? ПОЛИНА (не сразу). А что если завалимся к нему втроем?

Предложение Полины оживило женщин, загалдели:

— Умница, Поленька, — сказала Анна Александровна.

— Конечно же, надо идти втроем, — согласилась Татьяна.

— От одной бабы легко отбрехаться, а от троих не отбрехешься! — заключила Катерина.

— Мама! — закричал встревоженный Витек. — Гавриловская "Нива"!

Женщины напряглись, туда-сюда мотнули головами.

Вдалеке, оставляя за собой клубы пыли, шла "Нива".

Все кинулись к мосткам. Суетливо забирают тази, ведра, белье и прячутся в кусты.

Перепуганные женщины и дети, затаив дыхание, вслушиваются в шум мотора машины.

"Нива" остановилась. Из нее вышли Гавриловы с Егоровым и трое "крутых", приблизились к берегу.

Река. В зеркальной воде отражаются деревья.

Возле опрокинутого ведра, на песке, трепещут живые рыбки.

— Ну, и где они? — ворчливо спросил Гаврилов.

— А шут их знает. Значит в другом месте стирают. — Огрызнулся Егоров, и все направились к машине.

Хуторяне, услышав звук сорвавшейся с места машины, вышли из укрытия.

"Нива" удалялась. Витек и Наденька собирали в ведро еще живых рыбок.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Это по нашу душу.

КАТЕРИНА. Думают, без мужиков они нас голыми руками возмут.

ПОЛИНА. Я тары-бары разводить не буду. Полезу — стрелять стану!

ТАТЬЯНА. Я-то стрелять не смогу. Витек приблизился с ведром и удочками к женщинам: — Я смогу, мама!

Татьяна и Анна Александровна посмотрели на него с улыбкой.

КАТЕРИНА. Девки, у нас мужик появился. Не пропадем!

Знакомый почерк Мухина. Заголовок статьи: "Куда крестьянину податься?"

Лист бумаги опустился на стол, его читали двое: редактор — молодой человек в очках — и его жена, Люба, ровесница Полины. Молчание.

Катерина, Полина и Татьяна умоляюще смотрят на Любу.

ЛЮБА (мужу). Володя, напечатать! По-моги людям.

Редактор в затруднении. Молчит.

ПОЛИНА. Бойтесь? РЕДАКТОР. Да не боюсь я. Тут другое. Я три месяца не платил людям зарплату.

Вчера губернатор, спасибо ему, дал газете денег из своего фонда. Вчера из этой руки взял, а сегодня ее же кусну, как пес неблагодарный? Нехорошо это.

Женщины разом загалдели.

КАТЕРИНА. А нашим мужикам в тюрьме хорошо?

ПОЛИНА. А то, что мафия всех купила, — это хорошо?

ТАТЬЯНА. Если не через газету — как достучаться до тех, кто наверху?

РЕДАКТОР. Люба, угости людей! Чаем. Он нервно схватил сигарету.

Люба перешла к женщинам, стала за их спинами.

ЛЮБА. Володя, чай потом, ты не увиливай!

Редактор щелкнул зажигалкой, затянулся, шумно выпустил дым.

РЕДАКТОР. Сходите на прием к губернатору.

ТАТЬЯНА. К нему разве пробьешься? Он даже беженцев полгода не может принять.

РЕДАКТОР. Вас примет. Это я сделаю.

КАБИНЕТ ГУБЕРНАТОРА

Губернатор — молодой, хитрый и седой, сидит в окружении женщин за круглым журнальным столом. Все в мягких кожаных креслах. Пьют кофе с печеньем и дорогими конфетами.

Губернатор, отхлебнув из маленькой чашечки кофе, заговорил:

— Статья Мухина хорошая, открывенная. Правда, с некоторым перебором. Но его можно понять. Преступность, к сожалению, растет. И то, что тюрьма переполнена, — тоже правда. Ее, любезную, при Екатерине II строили. Придется подождать конца следствия. Вмешиваться я не имею права: строим правовое государство, с телефонным правом, слава Богу, покончено. Пусть все будет по закону.

Женщины, по всему чувствуется, разочарованы визитом.

Катерина задумчиво крутила чашку в блюдце, сказала:

— В статье как раз и написано, что законы у нас нарушаются.

ПОЛИНА. Там не только про это. Скажите прямо, Олег Сергеевич, статью напечатать?

ГУБЕРНАТОР. Опять-таки, красавицы мои, не могу я приказывать. Средства массовой информации нынче независимы.

Татьяна встала, сказала сухо:

— Спасибо. Кофе был очень хороший. Встали Катерина и Полина — благодарят губернатора.

ВОЗЛЕ ТЮРЬМЫ

Тюрьма. Высокий забор, зарешеченные окна, железные ворота, окна закрыты намордниками.

ПОДСОБКА В ТЮРЬМЕ

На колченогий стол выставляются: кусок сала, банка с домашним соленьем, румяная жареная курица, помидоры, бутылка водки. Хлопочут все, озираются на окно, Катерина — там, через клеточки решетки видны заключенные на прогулке: ходят кругом, руки у всех за спиной. Наблюдает за ними стрелок.

Глаза у нее засветились радостью — она заволновалась, поправила кофточку.

Вошел Мухин. За его спиной — Веня (надзиратель).

Катерина. Секунду постояла, кинулась к Мухину.

ВЕНИАМИН (через плечо Мухина). Только вы недолго. А я тут за дверью стою. (Он вышел.)

Мухин и Катерина слились в долгим поцелуе. Он чуть отстранил ее лицо, всмотрелся:

— Ты похудела, что ли?

— На тебя хватит... — и засмеялась. — Ну, давай поешь!

Она быстро подошла к столу — налила в стакан водку.

МУХИН (садясь за стол). У-у! Какой-то тюреморт нарисовала.

КАТЕРИНА. Все вместе рисовали. Полина куру зажарила, а Таня... Ой, слушай! Татьяна бычка забила, доезла на базар, денег-то нет, а там — жуть! Гробиловка! За место заплати, за весы заплати, за гири заплати, рекетерам дай, санитарскому дай, милиции дай! А себе останется — на "Сникерс". Это за бычку-то.

Мухин внимательно слушал, не отрываясь от банки с баклажанной икрой, сказал:

— Ну что же, и про это напишем, — задумался.

— Тебе интересно? Ты про что думаешь? — спросила Катерина.

МУХИН. Где же ты раньше была? КАТЕРИНА. Как где? Тебя ждала.

КАБИНЕТ ГУБЕРНАТОРА

Губернатор нервно рассказывал по

Валентин ЧЕРНЫХ

Женская защита

Вот уже почти год "ЭС" следит за осуществлением проекта "Народное кино". Напомним: речь идет о том, что на киностудии "Слово" киноконцерна "Мосфильм" Евгений Матвеев снимает продолжение фильма "Любить по-русски" — частично на средства, которые внесли в копилку будущие зрители. Нынче Евгений Семенович на списках. Работа над фильмом "Женская защита" ("Любить по-русски — 2") близится к финалу. Готовьтесь к встрече. А пока — фрагмент сценария, продолжение истории людей, которые хотят быть хозяевами на своей земле.

комнате.

— Напечатать статью Мухина — это значит расколоть общество, натравить одних на других. Это нам нужно? Накануне выборов?

Он уперся взглядом в редактора, сидевшего у приставного столика.

РЕДАКТОР. Почему натравливать, Олег Сергеевич? Мы ведем обычное журналистское расследование.

ГУБЕРНАТОР (вспылил). Да не лезь ты не в свои дела! Расследованием занимаются органы. А ваше дело — информация. Информация — и только.

РЕДАКТОР. Правдивая информация. ГУБЕРНАТОР (он присел к столику).

Женская защита

Дался читал? У него так: "Бранью праву не быть". РЕДАКТОР. У него еще и так: "Правота, что лихота: всегда наружу выйдет". ГУБЕРНАТОР (не сдержался) Ну, эти твою (вскопчил, прошел к своему креслу). Я ничего не запрещаю! Я не запрещаю, я напоминаю, ты не только журналист, ты еще и политик! Вот иди, и думай! Интеллектуал!

Женская защита

— Здравствуйте, садитесь. Я ваш следователь.

КУРЛЫГИН (приятно удивился, заулыбался). Да? Очень приятно. (Подходит, садится.) А то в прошлый раз меня какой-то огрызок допрашивал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. У меня к вам вопрос. КУРЛЫГИН. А у меня к вам. Можем мы заключить с Москвой федеративный договор?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (в полном недоумении). Кто это мы?

КУРЛЫГИН. Три наших хутора. Договор о разграничении полномочий. Как с Татарстаном. Налоги на армию мы платить будем — внешняя защита нам нужна. А внутреннюю организуем сами. Купим истребитель-штурмовик, я летчик первого класса. Мухин бывший танкист.

Следователь — женщина с юмором — приняла игру.

— А артиллерия у вас уже есть... КУРЛЫГИН. Не понял.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пушка. КУРЛЫГИН. Нет пушки!

Следователь вынимает из папки лист бумаги, кладет перед следственным.

— А Мухин говорит, что есть. —Да? Тогда покажите мне ее.

В миске перетряхивают. Вот так. (Он взял со стола большую пепельницу и вскинул ее перед собой.)

В пепельнице подскочили окурки: раз, второй...

ГУБЕРНАТОР. Который был сверху — уже внизу, а нижний — наверху... А другой раз так трахнут, что и вывалиться может...

ПОЛКОВНИК МВД. Не понял. Вареники-то причем?

— Это мне мама намекнула. А я вам, — он подошел к столу, за которым сидели представители силовых структур. — Вот так трахнут нас избиратели — не вывалиться бы! Свободны, господа. Прокурора прошу задержаться.

Хозяин и прокурор зашли в комнату отдыха.

Губернатор наливает в рюмки коньяк.

— Ты мне скажи — чего Мухин своей писаниной добивается?

— Хочет привлечь внимание общественности. Чтoб на суде не его судили, а нас.

Губернатор подает ксерокопию статьи. Прокурор читает.

Заголовок: "Мафия во главе с Гавриловым".

ГУБЕРНАТОР. Что это за Гаврилов? ПРОКУРОР. Родственник вашего заместителя. На родных сестрах женаты. Свои-таки они.

ГУБЕРНАТОР. Понятия не имел. Если ты знаешь — так привлекли его.

ПРОКУРОР. Олег Сергеевич! Если я потяну за эту ниточку — как бы не пришлось половину вашей администрации привлечь за коррупцию.

Они оба, молча, долго смотрели в окно.

На столике стояли две не тронутые рюмки.

ПОДСОБКА В ТЮРЬМЕ

Тюрьма в ночное время.

Катерина торопливо достает из сумки свежую, отглаженную рубашку.

КАТЕРИНА. Давай, по-быстрому меняй рубашку. Веня сказал: пять минут.

МУХИН. Я еще статью писал.

КАТЕРИНА. Так ведь и ту еще не напечатали.

Мухин застегивал пуговицы, негромко выговаривал:

— Не надо было вам к губернатору ходить. Ну, посуди сама: я начальник, и мне принесать статью против меня. Неужели же я позволяю ее опубликовать?

Женская защита

Катерина, выкладывавшая на стол всякую еду, на секунду застыла:

— Валерьян! Я решила в партию вступить.

Он от удивления сел.

— Чего? В какую? — В любую. Которая тебя защитит.

— Тогда тебе надо создать свою партию.

— Свою? — приняла всерьез Катерина.

МУХИН. Ну... партию... любителей мужа. — И сам рассмеялся.

КАТЕРИНА. Да ну тебя! — рассмеялась и она, положила на его руки свои. Мухин поднял их к губам — поцеловал. Скрипнула дверь — вбежал Вениамин.

ВЕНИАМИН. Извините, Валерьян Петрович, начальник тюрьмы приехал. Нам скорым бегом надо!

Мухин подает Катерине свернутую в ком-ком бумагу.

— Эту статью носи в газету "Колокол". Это новая, независимая. Не возмуть — посылай в Москву.

Знакомым почерком написано: "Власть и коррупция".

КАТЕРИНА. Ой, Валерьян! Катишь ты на себя бочку!

— Чудеса. И никаких следов. Нечистая сила какая-то.

— Ворюги! — Гаврилов приблизился к Егорову, нос к носу. — Я в нечистую силу не верю. Не найдешь — тебя уберут, причем чисто! Намек понял?

— Чего уж не понять. Про заказные убийства каждый день пишут. — Ворчливо проговорил Егоров и направился к своему "газку". Стоявшие возле "Нивы" "крутые" перекрыли ему путь. — Знаешь что, Гаврилов? Я в твои игры больше не играю. Отстань, Христа ради!

За длинным, полированным столом, уткнувшись в газеты, сидели: генерал ФСБ, полковник МВД, прокурор и губернатор.

Генерал и полковник, дочитав "Колокол", с раздражением отложили газеты.

ГЕНЕРАЛ. А может, закрыть к чертям этот "Колокол"? Чтоб не трезвонил!

ГУБЕРНАТОР (сдерживая волнение). Давайте думать головой, господа. Газета зарегистрирована как независимая. Издается на наши деньги. Или я не прав, прокурор?

ПРОКУРОР. Закрывать нет никаких оснований. Законная газета оппозиции. Я вам скажу больше. Лев Николаевич, сегодня я отдам распоряжение об освобождении Мухина и Курлыгина с подпиской о невыезде.

ГЕНЕРАЛ. Да вы что? ПОЛКОВНИК. Это же позор!

ГЕНЕРАЛ. Посадили, выпустили. Что за фокусы?

Губернатор молча следил за реакцией силовиков.

ПРОКУРОР. И еще. Они сами настаивают на суде!

ГЕНЕРАЛ. Представляю, что эта сволочь там наговорит.

ПОЛКОВНИК (усмехнулся). Зачем же так грубо. Мухин вам карьеру сделал от капитана до генерала.

ГЕНЕРАЛ. Он меня породил, он меня и...

ГУБЕРНАТОР. До суда доводить не надо! (Он стукнул ладонью по столу и встал.) Но вот бардак, кто его статьи пересылает в газету?

ПОЛКОВНИК. Из тюрьмы утечки быть не может. Наверняка эти статьи написаны заранее, а теперь они их распространяют... мутит народ!

ПРОКУРОР (трясет газетой). Написал про беженцев. Теперь он у них народный герой!

ГУБЕРНАТОР. Это я читал. Меня интересует ваше мнение... что там у беженцев?

ПОЛКОВНИК. Лев Николаевич! Ну, обычные бытовые склоки: жить негде, работы нет, пособие маленькое. И тэдэ. И тэдэ!

ГУБЕРНАТОР (молча прошелся по кабинету). Прокурор прав: Мухина надо выпустить. Еще немного — и над его головой засияет ореол мученика. А у нас на Руси обиженных ой как любят!

● Е. Матвеев на съемках фильма "Женская защита"

● Ольга Егорова — Полина, Никита Джигурда — Курлыгин, Лариса Удовиченко — Татьяна

● Федор Сухов — отец Василий, Ольга Егорова — Полина.

вая машина, как качнулся домик-бытовка.

Женщины подбежали к нему, пытаются помочь. "Бытовка" начала подниматься.

Второй солдат стоял, держась за трос, ладонью приглашал к себе Полину.

Полина засмеялась. Женщины озорно подталкивали ее: мол, цепляйся.

Вертолет с домиком сделали круг над озерком и растворились в темноте.

На пустыре (бывшей стройплощадке) мечутся двое: один яростно жестикулирует, другой — виновато оглядывается по сторонам. Зловеще каркает ворона.

Взбешенный Гаврилов:

— Нет, ты объясни! Мы завезли десять тонн материалов. Вечером они были, а сегодня их нет! Куда девались?

Егоров. Он в полной растерянности.

— Чудеса. И никаких следов. Нечистая сила какая-то.

— Гаврилов приблизился к Егорову, нос к носу. — Я в нечистую силу не верю. Не найдешь — тебя уберут, причем чисто! Намек понял?

— Чего уж не понять. Про заказные убийства каждый день пишут. — Ворчливо проговорил Егоров и направился к своему "газку". Стоявшие возле "Нивы" "крутые" перекрыли ему путь. — Знаешь что, Гаврилов? Я в твои игры больше не играю. Отстань, Христа ради!

За длинным, полированным столом, уткнувшись в газеты, сидели: генерал ФСБ, полковник МВД, прокурор и губернатор.

Генерал и полковник, дочитав "Колокол", с раздражением отложили газеты.

ГЕНЕРАЛ. А может, закрыть к чертям этот "Колокол"? Чтоб не трезвонил!

ГУБЕРНАТОР (сдерживая волнение). Давайте думать головой, господа. Газета зарегистрирована как независимая. Издается на наши деньги. Или я не прав, прокурор?

ПРОКУРОР. Закрывать нет никаких оснований. Законная газета оппозиции. Я вам скажу больше. Лев Николаевич, сегодня я отдам распоряжение об освобождении Мухина и Курлыгина с подпиской о невыезде.

ГЕНЕРАЛ. Да вы что? ПОЛКОВНИК. Это же позор!

ГЕНЕРАЛ. Посадили, выпустили. Что за фокусы?

Губернатор молча следил за реакцией силовиков.

ПРОКУРОР. И еще. Они сами настаивают на суде!

ГЕНЕРАЛ. Представляю, что эта сволочь там наговорит.

ПОЛКОВНИК (усмехнулся). Зачем же так грубо. Мухин вам карьеру сделал от капитана до генерала.

ГЕНЕРАЛ. Он меня породил, он меня и...

ГУБЕРНАТОР. До суда доводить не надо! (Он стукнул ладонью по столу и встал.) Но вот бардак, кто его статьи пересылает в газету?

ПОЛКОВНИК. Из тюрьмы утечки быть не может. Наверняка эти статьи написаны заранее, а теперь они их распространяют... мутит народ!

ПРОКУРОР (трясет газетой). Написал про беженцев. Теперь он у них народный герой!

ГУБЕРНАТОР. Это я читал. Меня интересует ваше мнение... что там у беженцев?

ПОЛКОВНИК. Лев Николаевич! Ну, обычные бытовые склоки: жить негде, работы нет, пособие маленькое. И тэдэ. И тэдэ!